

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ГУБЕРНИЯХ АГРАРНОГО ЦЕНТРА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Жиров Н. А.

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, Елец, Россия

E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

Для цитирования: Жиров, Н. А. Демографические процессы в губерниях аграрного центра России во второй половине XIX – начале XX в. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6, № 2. С. 49–62. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.3). EDN [XHLSXM](https://edn.xhlsxm.ru).

Аннотация. Статья посвящена изучению основных демографических процессов, проходивших в губерниях Центральной России (Орловской, Тульской и Рязанской), преимущественно относящихся в дореволюционный период к аграрному поясу страны. Хронологические рамки исследования совпадают с началом модернизационных процессов в 1861 г., затронувших все стороны жизни населения региона, вплоть до начала Первой мировой войны. В качестве основных источников, освещающих демографию местного населения, были взяты материалы местной статистики – обзоры рассматриваемых губерний, статистические данные переписи населения 1897 г. и статистических Ежегодников и Временников Российской империи. Объектом исследования является население упомянутых губерний, а предметом выступают сами демографические процессы (брачность, рождаемость, смертность), а также естественный прирост. Гипотеза исследования состоит в предположении, что вплоть до начала XX в. население губерний продолжало сохранять традиционный способ воспроизводства населения, характерный для общества аграрного типа. Так как подавляющее большинство жителей Орловской, Тульской и Рязанской губерний проживало в сельской местности, то именно демографические процессы, протекавшие в крестьянской среде, определяли общую демографическую картину. В статье были применены количественные методы обработки статистических материалов, а кроме того, традиционные подходы – методы историзма, ретроспективный и т. д. В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы. На протяжении почти всего изучаемого периода наблюдался рост числа браков, количества новорожденных и умерших, а также сохранялся высокий уровень естественного прироста населения. В начале XX в. (начиная с 1906–1911 гг.) набирает силу обратная тенденция – происходит снижение всех демографических показателей кроме естественного прироста населения, который продолжал расти до 1914 г., а потом начал стремительное падение. В годы Первой мировой войны эти тенденции только усилились. Начало демографического перехода совпало с изменениями в русской деревне на старте XX в. (аграрная миграция, начало разрушения крестьянской общины и рост числа переселений в города и т. д.), а начавшаяся война лишь ускорила этот процесс.

Ключевые слова: демографические процессы, Центральная Россия, пореформенный период, крестьянство, демографический переход, статистические методы

Введение

В отечественной и зарубежной историографии изучение демографических процессов на различных исторических этапах развития общества, как на примере отдельных стран или целых регионов, локальных территорий или сравнительно небольших населенных пунктов в последние десятилетия вызывает большой интерес со стороны ученых историков. Одни исторические периоды привлекают повышенное внимание, другие нет, однако есть особенно важные хронологические отрезки, когда решаются судьбы стран, а вопросы, связанные с демографией, приобретают особую актуальность. Демографическая модель развития России находилась

и продолжает это делать в постоянно изменяющейся реальности с конца XIX в., когда наша страна вступила в первый этап демографического перехода от традиционной модели воспроизводства населения к современной. Это период глубоких экономических изменений, реформ, социальных потрясений, революций, войн, в том числе гражданской. Монархия была заменена демократической, а потом социалистической республикой, Россия быстро меняла свой внешний и внутренний облик. Но до сих пор одним из дискуссионных вопросов остается роль демографических процессов и их влияние на жизнь страны в тот сложный исторический период.

Особую актуальность в данной связи представляют региональные исследования, так как вступление России в начальную стадию демографического перехода для разных частей империи происходило далеко не одновременно, на что указывает В. Б. Жиромская в одной из недавних публикаций [1]. В этой работе она отметила существование не только региональных, но и сословных отличий у разных слоев российского общества, характерных для второй половины XIX – начала XX в. Поэтому исследование демографических процессов на региональном уровне не только уместно, но и демонстрирует все нюансы, связанные с модернизацией общественных отношений на определенной территории в избранных хронологических рамках.

Выбор в качестве основной территории исследования был обозначен социально-экономическими особенностями Орловской, Тульской и Рязанской губерний, которые можно охарактеризовать в экономическом отношении как экотонные (находящиеся в зоне перехода от промышленных к чисто аграрным регионам Центральной России). Мало того, экотонность проявлялась в природно-климатических условиях и структуре преобладающих почв. Орловская губерния вследствие вытянутости с запада на восток, а Рязанская и Тульская вследствие протяженности с севера на юг плавно переходили из классической лесной зоны в черноземную лесостепь, хотя и оставались на всем протяжении исследуемого периода преимущественно аграрными, где подавляющее большинство населения, даже в относительно промышленных и отходнических уездах, было занято в сельском хозяйстве, а хлебопашество являлось основным видом деятельности местного крестьянства.

Цель нашего исследования заключается в изучении особенностей демографических процессов в контексте модернизации аграрного общества Орловской, Тульской и Рязанской губерний в 1861–1915 гг. Хронологические рамки исследования совпадают с началом модернизационных процессов, связанных с проведением либеральных реформ 1860-х гг., затронувших все стороны жизни населения региона, вплоть до начала Первой мировой войны. Верхняя хронологическая граница (1915 г.) обусловлена наличием основных источников по теме исследования – обзоров губерний, публикация которых после 1916 г. была прекращена.

Объектом исследования выступает население Орловской, Тульской и Рязанской, а предметом – основные демографические процессы (брачность, рождаемость, смертность), а также естественный прирост населения.

Гипотеза исследования состоит в предположении, что вплоть до конца XIX в. население изучаемых губерний продолжало сохранять традиционный способ воспроизводства населения, характерный для общества аграрного типа.

Обзор научной литературы

В досоветский период вопросами изучения демографических процессов занимались не только историки, но и специалисты из области практической демографии и статистики народонаселения Российской империи. В основном их задачи сводились к исследованию текущего на тот момент движения населения, миграционных процессов, однако они не затрагивали тему демографического перехода, так как страна либо еще не подошла к такому состоянию, либо была на начальной стадии перехода, и глубокое осмысление проблемы не представлялось возможным. Из трудов дореволюционных авторов стоит отметить работу Д. И. Менделеева, в которой исследователь обобщил данные Первой всеобщей переписи населения 1897 г., дал прогноз численности населения до конца XX в., отметив, что население Российской империи за период с 1861 по 1897 г. удвоилось [2]. К началу XX в. появился ряд крупных работ о роли демографического фактора в истории, об особенностях процесса увеличения народонаселения, в том числе статистических исследований динамики расселения и численности населения. К ним, к примеру, можно отнести труды С. М. Новосельского с детальным анализом смертности жителей империи [3; 4].

В советский период анализ проблем народонаселения и демографических процессов в исторической ретроспективе приобретает обобщающий характер, и со временем появляются фундаментальные труды, охватывавшие длительные хронологические промежутки, в том числе позднеимперский период, так или иначе касавшиеся темы модернизации общественных отношений и их влияния на демографическую модель поведения социума [5; 6].

В постсоветский период вновь возник интерес к изучению истории Российской империи, особенно пореформенного периода и последних десятилетий ее существования. Изучались многие аспекты ее социально-экономического, внутри- и внешнеполитического курса. Одним из таких наиболее крупных трудов стала монография историка Б. Н. Миронова, в которой пристальное внимание было обращено и на демографическое развитие империи [7]. Впоследствии ученый посвятил теме исторической демографии в рамках модернизации российского общества большое количество статей, монографий, внесших свою лепту в изучении истории нашего государства [8; 9].

Тема демографического перехода и воспроизводства поколений в России затрагивалась С. А. Захаровым [10]. Демографической модернизации России посвящена монография известного историка-демографа А. Г. Вишневого [11].

Уральский ученый С. А. Нефедов разработал теорию демографических циклов и активно занимается изучением демографических процессов позднеимперского периода [12; 13]. Другой уральский исследователь Г. Е. Корнилов также обратил свое внимание на изучение демографического развития Уральского региона и России в целом в обозначенный период [14; 15].

Для Центральной России немаловажное значение имеет работа С. Д. Морозова «Центральная Россия в 1897–1917 гг.: Проблемы демографического развития» [16]. Проблематика демографического перехода в России представлена еще у одного известного специалиста в области исторической демографии В. Б. Жиромской [1].

Интересны работы исследователей, затрагивающих региональную тематику демографических процессов, протекавших в отдельных губерниях страны в

обозначенный временной период. Например, работы новгородской исследовательницы Н. С. Федорук [17], тамбовского историка В. В. Канищева [18] и других, касавшихся темы демографических процессов и демографического перехода [19].

Можно еще долго перечислять имена исследователей, так или иначе рассматривающих данную тематику, но стоит отметить, что интерес к изучению проблем демографического перехода и основных демографических процессов, протекавших в поздней имперской России, не ослабевает, и анализ региональных особенностей этих процессов весьма актуален и даже необходим.

Методы исследования

В рамках проделанной работы основная методика исследования заключалась в применении количественных математических методов и приемов обработки статистической информации. Автором созданы таблицы Excel, куда была внесена информация об основных демографических процессах, протекавших в исследуемое время в Орловской, Рязанской и Тульской губерниях. По материалам таблиц были построены графики и диаграммы. На основании полученных данных были сделаны выводы о модели демографического поведения населения губерний на длительном промежутке времени (1861–1915 гг.), а также на отдельных более коротких хронологических отрезках, в первую очередь 1900–1915 гг. Кроме математических, были применены классические методы и подходы: исторический, ретроспективный, историко-генетический и т. д. Их использование позволило сформулировать основные выводы и рассмотреть поведенческую демографическую модель сельского социума в контексте модернизации социальных отношений аграрного общества изучаемого региона.

Основными источниками для анализа стали статистические сборники – обзоры Орловской, Рязанской и Тульской губерний, памятные книги этих губерний, в которых присутствует информация о численности населения и демографических процессах, протекавших в исследуемое время¹.

Кроме того, в работе использовались материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г.², статистических «Ежегодников»³, статистических «Временников»⁴ Российской империи, архивные документы из фонда № 1281 Российского государственного исторического архива (РГИА) – отчеты губернаторов со статистическими материалами по народонаселению и естественному движению населения поименованных губерний⁵.

¹ Обзоры Орловской губернии за 1882–1916 год. Издание Орловского Губернского Статистического Комитета. Орел: Типография Губернского Правления, 1882–1916; Обзоры Рязанской губернии за 1873–1915 год. Рязань : Губ. тип., 1871–1915; Обзор Тульской губернии за 1882–1916 год. Тула: Губ. тип., 1882–1916.

² Тройницкий, Н. А. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897. XXIX. Орловская губерния. Издание Центрального статистического комитета МВД. СПб.: Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1904.

³ Статистический ежегодник России. 1913 г. (год десятый). СПб., 1914.

⁴ Статистический временник Российской империи. Серия III, Вып. 3. Движение населения в Европейской России за 1879 год. СПб., 1884.

⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Раздел. 1861. Д. 23, 24, 57; Раздел. 1862. Д. 17, 22, 34, 104; Раздел. 1863. Д. 29, 40, 74; Раздел. 1864. Д. 20, 24; Оп. 7. Раздел. 1865. Д. 17, 58, 75; Оп. 7. Раздел. 1866. Д. 10, 14, 68;

Результаты

Демографическое и социально-экономическое состояние губерний к середине XIX в.

Население Орловской и соседних Рязанской и Тульской губерний в первой половине XIX в. уверенно увеличивалось благодаря высоким темпам естественного прироста, обеспеченного повышенной рождаемостью, присущей аграрному обществу и традиционному типу воспроизводства населения [20].

В первой половине XIX в. в Орловской губернии численность жителей выросла почти на 500 тыс., с 1 млн до 1,5 млн человек. Вследствие чего средний размер пашни сократился с 2,5 до 1,5 десятин на наличную душу⁶. Дальнейший рост жителей мог усугубить ситуацию, что неминуемо бы привело к социально-экономическим трудностям. Если бы крестьянство получило больший надел земли, то это стало бы несомненным благом для сотен тысяч человек, но этого не случилось. Сохранение временнообязанного состояния у бывших владельческих крестьян, а также крестьянской общины для всех категорий крестьян, в том числе государственных, не позволяло общинникам перейти на наиболее совершенные технологии обработки почвы и ведения более эффективного сельского хозяйства, прежде всего земледелия. Средневековая агротехника продолжала доминировать на крестьянских полях, что в свою очередь влияло на менталитет населения, и как итог – логика демографического поведения сохранялась в классических традиционных взглядах на деторождение.

Стоит заметить, что накануне отмены крепостного права исследуемые губернии представляли собой типичный аграрный регион, где только в губернском центре и в ряде западных лесистых уездах (Орловская губерния) и северных и северо-западных уездах (Рязанская и Тульская губернии) были развиты промышленность и промысловая деятельность, в том числе отходничество. Несмотря на то, что Орловская губерния только в своей юго-восточной части (Елецкий, Ливенский и частично Малоархангельский уезды) имела черноземные земли, в дореволюционный период ее относили к аграрному поясу земледельческих губерний. Значительная часть центральных и северных уездов находились хоть и в лесостепной и лишь отчасти в лесной зоне, однако вследствие интенсивной распашки к середине XIX в. оказались почти полностью лишены леса и представляли собой бескрайнюю пашню [21]. Губернская поземельная статистика отмечала, что к началу 1860-х гг. площадь распаханых земель превышала 2,2 млн десятин или 60% ее территории, но в разных уездах доля пашенных и иных угодий сильно разнилась.

Уровень распашки в Рязанской губернии приближался к 50%⁷, а в Тульской, наиболее освоенной из рассматриваемых губерний, достиг 70%⁸. Наиболее

Оп. 7. Раздел. 1867. Д. 23, 40, 91; Оп. 7. Раздел. 1868. Д. 22, 82; Оп. 7. Раздел. 1869. Д. 19, 24, 85; Оп. 7. Раздел. 1870. Д. 17, 18, 78.

⁶ Памятная книжка Орловской губернии за 1860 год. Орел: Орловский губернский правление, 1860. С. 68–71.

⁷ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Том VI. Часть 3. Рязанская губерния. 1848.

⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Том VI. Часть 4. Тульская губерния. СПб., 1852.

освоенными в плане земледелия были центральные и особенно южные уезды названных губерний, которые в полном праве относились к черноземной лесостепи. Так, Раненбургский и Данковский уезды Рязанской губернии были распаяханы на 70–75%, а доля пашни в Ефремовском, Епифанском, Новосильском и Богородицком уездах Тульской губернии достигала 80%. Эти данные свидетельствуют об аграрном характере исследуемого региона, где подавляющее большинство жителей являлись крестьянами-земледельцами.

В середине XIX в. экологический баланс в значительной части уездов еще не был нарушен, продолжали сохраняться территории, которые могли стать потенциальной пашней, несмотря на худшее качество почв и их низкую плодородность. Таким образом, создавались предпосылки для дальнейшего роста сельского населения, с возможным сохранением традиционной демографической ментальности, о чем предметно поговорим далее.

Брачность в Орловской, Тульской и Рязанской губерниях во второй половине XIX – начале XX в.

Исследование демографических процессов в обозначенных губерниях лучше всего начать с брачности, ибо она во многом предопределяла рождаемость. Так как речь идет о еще традиционном обществе, то рождаемость оставалась естественной, практически не контролируемой искусственно. Рождаемость была сопряжена с высоким уровнем смертности, особенно младенческой и среди маленьких детей в возрасте до 5 лет, составлявших большинство умерших.

Общая картина брачной активности населения в исследуемых губерниях, структура которой была составлена на основе суммированного результата всех уездов губерний, говорит об устойчивом росте новобрачных пар, а основной пик пришелся на 1900-е гг. Но с началом аграрных преобразований П. А. Столыпина, в особенности программы крестьянского переселения, в которой активное участие приняли десятки тысяч семей из Черноземья, наметилась тенденция снижения количества брачных регистраций. Например, в Орловской губернии за период с 1900 по 1914 гг. среднее количество браков снизилось с 19 500 до 17 750 или на 9%. Пик количества браков был достигнут в 1906 г. (25 445), и после этого началось постепенное снижение, и к предвоенному 1913 г. их количество сократилось до 21 317. После вступления в Первую мировую войну уже в 1914 г. число брачных регистраций уменьшилось до 14 000, что было чуть больше самого низкого уровня брачных регистраций за весь изучаемый период. В 1876–1877 гг. число браков в Орловской губернии едва перешагнуло порог в 13 000 и было напрямую связано с недородом хлебов и сложной экономической ситуацией в деревне. В предыдущее десятилетие в среднем ежегодно заключалось более 17 000 браков и после минимума 1876–1877 гг. вернулось к прежнему уровню, а в промежутке с 1880 по 1900 г. среднее значение количества браков держалось на уровне более 18 000 ежегодных регистраций.

Коэффициент брачности в Орловской губернии к 1914 г. снизился до 5,5‰. Средние значения для рассматриваемых губерний для начала XX в. составили около 8‰, что соответствовало показателю для европейской части России [7].

В 1915 г. в Орловской губернии продолжилось снижение брачной активности и достигло своего исторического минимума – 7 417 браков. Коэффициент брачности в 1915–1916 гг. в сельской местности сократился до 1‰–3‰.

В Тульской и Рязанской губерниях динамика уровня брачности практически не отличалась от Орловской губернии. В Рязанской губернии до 1906 г., когда был достигнут пик брачной активности (21 746 регистраций), наблюдалась тенденция роста заключаемых браков. С 1907 г. наметилась тенденция к их сокращению, и до 1913 г. ежегодно в среднем количество браков не превышало 18 000 регистраций, фактически вернувшись к среднегодовым показателям периода 1880–1890-х гг. Абсолютный минимум, как и в Орловской губернии, пришелся на неурожайный 1877 г. – 1 304 регистрации. К сожалению, у нас нет данных за 1914–1916 гг. (нет достоверной статистики из-за отсутствия «Обзоров» за эти годы), и все же можно предположить о схожей тенденции сокращения числа браков аналогично Орловской губернии.

В Тульской губернии, как и в предыдущих регионах, пик брачной активности был отмечен в 1906 г. (17 079 регистраций), а минимум – в 1876–1877 гг. (чуть более 10 000), хотя общая динамика брачности до середины 1900-х гг. сохраняла еще постепенный рост браков. После 1906 г. количество браков стало сокращаться и в 1914 г. достигло своего минимума – 11 387 браков.

Подводя итоги, можно констатировать, что снижение числа заключаемых браков могло быть прямым следствием сокращения молодого населения в начале 1910-х гг. и, возможно, было связано с аграрными преобразованиями начала XX в. Снижение брачности могло повлиять на уровень рождаемости вследствие их тесной взаимосвязи, характерной для традиционного аграрного общества. Внешний фактор, которым стало вступление России в Первую мировую войну с последующей волной мобилизации мужчин брачного возраста, сыграл ключевую роль в тенденции снижения количества браков.

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в Орловской, Тульской и Рязанской губерниях во второй половине XIX – начале XX в.

Уровень рождаемости в Орловской губернии во второй половине XIX в. показывал тенденцию роста и достиг пика в самом начале XX в. Но с 1903 г., характеризующимся максимальным пиком появившихся новорожденных, в губернии начинается период относительной стабилизации, количество младенцев находилось примерно на одинаковом уровне с постепенной тенденцией к снижению. Подобная картина наблюдалась и в соседних Рязанской и Тульской губерниях. В Тульской губернии абсолютный пик числа новорожденных пришелся на 1904 г. – 91 795 человек, а в Рязанской на 1907 г. – 111 011.

После 1911 г. количество новорожденных в Орловской губернии стало стремительно снижаться, что особенно проявилось в годы Первой мировой войны, в 1915 г. число новорожденных (97 515 малышей) уменьшилось до средних показателей середины 1870-х гг. В остальных рассматриваемых губерниях тенденция снижения была менее выраженной, хотя в Тульской в 1914 г. количество новорожденных опустилось до среднегодовых показателей 1890-х гг. К огорчению, по двум последним губерниям мы не располагаем данными за 1915–1916 гг., но на приходском уровне, по сведениям метрических книг Новосильского уезда Тульской губернии и Раненбургского уезда Рязанской губернии, динамика уменьшения деторождений была

зафиксирована⁹. Скорее всего, она была связана с влиянием массовой мобилизации молодых мужчин в годы Первой мировой войны.

Уменьшение количества новорожденных в начале XX в. могло быть также вызвано возможным оттоком населения после Столыпинских преобразований и аграрной миграцией за Урал [22].

Данные о естественном движении в Европейской России в целом в 1910 г. показывают, что поименованные губернии были в числе тех 35 губерний из 50, где коэффициент рождаемости достиг среднего уровня (30 до 50‰) [7, т. 1, с. 210]. Согласно подсчетам С. Д. Морозова, коэффициент рождаемости в Орловской губернии продолжал уменьшаться: в 1917 г. – 29,0‰, в 1918 г. – 28,5‰ [16, с. 165].

Уровень смертности в традиционном обществе имел прямую зависимость от уровня рождаемости, так как дети, особенно младенцы, не достигшие 1 года, составляли не менее четверти от общего количества умерших.

Во всех рассматриваемых губерниях динамика смертности имела тенденцию к росту вплоть до начала XX в., а потом начинается ее плавное снижение. Однако в отличие от брачности и рождаемости, в каждой из губерний имелись свои, хоть и не принципиальные отличия.

К примеру, тенденция снижения числа умерших в Рязанской губернии началась после пиковых значений 1898 г. (76 790 человек), хотя устойчивое снижение было зафиксировано только в 1910 г. (70814 человек). В 1911–1912 гг. количество умерших не превышало 60 000 человек, что было сопоставимо со среднегодовыми значениями 1880-х гг.

В Тульской губернии последний абсолютный пик смертности пришелся на 1905 г. и был связан с неурожаем и всплеском инфекционных заболеваний. Тогда умерло немногим более 70 000 человек, хотя рекорд 1892 г. в 70 585 человек не был побит. В целом с 1891 по 1894 г. включительно сохранялась устойчивая повышенная смертность, близкая к максимальным показателям. С 1895 г. наметилась тенденция снижения смертности, но как говорилось выше, пик 1905 г. повлиял на среднегодовые показатели смертности, но это не изменило тенденцию к общему снижению смертей. Так, в 1911 г. был зафиксирован минимум (51 410 человек), соответствовавший средним значениям 1870–1880-х гг.

Уровень смертности в Орловской губернии на всем протяжении пореформенного периода оставался высоким, особенно были заметны скачки роста числа умерших в годы с неблагоприятными климатическими явлениями (засухи, ранние заморозки, затяжные дожди во время сбора урожая и т. п.), которые вели к голоду и вспышкам инфекционных заболеваний (часто в виде локальных, реже крупноочаговых эпидемий). Особенно выделяются рубеж 1880–1890-х гг. и 1906 г., когда из-за засухи на большей части губернии были зафиксированы как вспышки эпидемий, так и общий рост числа умерших от различных причин на фоне дефицита продовольствия, а в случае 1891–1892 гг. от настоящего голода, поразившего деревню. Последний всплеск смертности 1906 г. стал рубежным, и уже с 1907 г. намечается постепенное снижение количества умерших в губернии, при этом особенно

⁹ Метрические книги с. Покровское (Голунь) Новосильского уезда – ГАОО. Ф. 101. Оп. 2. Д. 4071–4075; метрические книги с. Гагино Раненбургского уезда – ГАЛО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 277–278.

выделяются 1911 г. – 67 381 человек, 1913 г. – 73 317 человек. В целом после 1907 г. среднегодовое число умерших почти сравнялось с показателями 1880-х гг.

Данные о естественном движении населения в Европейской России за 1910 г. показывают, что все исследованные губернии были среди 36 губерний из 50, где коэффициент смертности находился на среднем уровне – от 20 до 35%¹⁰. Таким образом, можно утверждать, что смертность в Орловской, Рязанской и Тульской губерниях в 1910-х гг. окончательно перешла в новую фазу демографического перехода, хотя еще и продолжала зависеть от уровня рождаемости, который также начал снижаться.

Естественный прирост населения является важным показателем демографического развития общества, отражая соотношение рождаемости и смертности.

В рассмотренных нами губерниях на всем исследуемом промежутке времени этот показатель поступательно увеличивался. Несмотря на неблагоприятные годы, когда уровень смертности достигал своих пиковых значений, особенно в 1892 г., благодаря высокой рождаемости естественный прирост оставался в пределах положительных значений, и лишь в отдельных уездах наблюдалась естественная убыль, но она не могла существенно повлиять на устоявшуюся тенденцию роста.

На уровне единичных губерний движение этого показателя имело свои особенности. Например, в Тульской губернии на отрезке 1870–1890-х гг. среднегодовые значения естественного прироста были невелики и находились в пределах 16 000 человек. В первую очередь это было связано со всплесками смертности населения. Наибольшие пики прироста наблюдались с 1902 по 1911 г. (исключение составил 1905 г.), когда были созданы благоприятные предпосылки в виде сочетания высокой рождаемости на фоне низкой смертности. С 1900 по 1914 г. включительно среднегодовые значения смертности немногим превысили 26 000 человек, что по сравнению с предыдущим периодом в округленных цифрах составило 38%. Несомненно, это был демографический бум, пик которого как раз пришелся на 1900-е гг.

Движение естественного прироста населения Рязанской губернии на всем изучаемом промежутке времени показывало устойчивый положительный рост, но максимальные значения были достигнуты так же как и в Тульской губернии в 1902–1911 гг., хотя уже с 1898 г. среднегодовые значения естественного прироста были значительно выше, чем в предшествующее время. Если в 1860–1880-х гг. среднегодовой прирост не превышал 24 000 человек, то в 1890-е гг. он составил более 26 000. Начиная с 1898 г. прирост благодаря удачному сочетанию низкой смертности и высокой рождаемости не опускался ниже 26 000 (в 1904 г. был минимум для начала XX в. – 26 349 человек). Максимум пришелся на 1910–1911 гг. – 50 566 и 47 150 человек соответственно. Итак, за период с 1900 по 1913 г. среднегодовой прирост достиг почти 40 000 человек. В сравнении с показателями второй половины XIX в. рост составил 37,5%, почти полностью повторяя результат Тульской губернии.

В Орловской губернии ситуация была аналогичной Рязанской и Тульской губерниям. Среднегодовые показатели естественного прироста в период 1860–1880-х

¹⁰ Движение населения в Европейской России. Статистические таблицы за.... 1910 год. Санкт-Петербург : Центральный статистический комитет внутренних дел, 1890–1916, 1916. С. X.

гг. находились примерно на одном уровне – 22 000–24 000 человек ежегодно, но по отдельным годам налицо были серьезные колебания, то в сторону роста, то наоборот – падения. В 1892 г. был достигнут абсолютный минимум в 12 823 человек за период начиная с 1870 г. Далее темпы естественного прироста, не считая минимумов 1898 (20 882 человек) и 1905 гг. (27 976 человек), стремились к постоянному росту, и в начале XX в. (1900–1914 гг.) среднегодовой прирост составил более 42 000 человек ежегодно. Рост по сравнению с предшествующим периодом был равен 42,8%, что оказалось выше, чем в Рязанской и Тульской губерниях. Только в 1915 г., вследствие падения рождаемости, уровень естественного прироста резко снизился – до 23 360 человек.

Коэффициент естественного прироста населения в Орловской губернии в начале XX в. в среднем за период составил 18,1‰, что было на 1‰ больше, чем в среднем для европейской части России за аналогичный период.

Обсуждение (дискуссия)

Стремление к раннему заключению брака и неограниченное деторождение было обусловлено как чисто экономическими соображениями (наделение земли на мужчин во время переделов, в хозяйстве были необходимы рабочие руки), так и глубоко житейскими. Смертность населения была высокой, и любая вспышка инфекций при фактическом отсутствии медицинской помощи могла унести жизни нескольких человек из одной семьи. На микроуровне при изучении материалов ревизских сказок и метрических книг такое явление четко прослеживается, когда в течение даже одного года многодетная семья теряла по несколько детей. Смерть взрослого человека – это порой потеря единственного кормильца. Таким образом, испытывая чувство страха перед смертью и ее последствиями для семьи, крестьяне воспроизводили на свет детей столько, сколько могла родить женщина. Данная логика, помноженная на традиции и религиозные взгляды на деторождение, были вполне закономерны, так как ограничение рождаемости могло привести отдельно взятую семью к плачевным для нее последствиям. А из этого следует, что пока медицина была бессильна в борьбе даже с элементарными заболеваниями, пока крестьяне были не грамотны и плохо соблюдали правила гигиены, надеяться на снижение смертности, особенно у маленьких детей, было нельзя. В такой связи нужно по-другому посмотреть и на сам факт сохранения крестьянской поземельной общины, где она выполняла важную социальную функцию – помощь наиболее уязвимой части общины, где не хватало рабочих рук для самостоятельной обработки земли и сбора урожая. Конечно, община могла и тяготить определенную часть крестьянства, но другая чисто физически не могла существовать вне общины, что воочию проявится во время аграрных преобразований П. А. Столыпина, когда многие общинники не станут выделяться в отрубные и хуторские хозяйства.

Исходя из перечисленных фактов и предположений, представив логику крестьян, которые в начале XX в. продолжали составлять абсолютное большинство жителей Орловской, Рязанской и Тульской губерний, просто необходимо дальнейшее изучение демографических процессов в исследуемом регионе.

Заключение

Демографическое развитие Орловской, Рязанской и Тульской губерний после отмены крепостного права оставалось в рамках традиционной модели воспроизводства населения. Основные демографические показатели сохраняли высокие темпы брачности, рождаемости, смертности во всех рассмотренных губерниях вплоть до начала XX в.

Одной из главных причин устойчивости традиционной модели воспроизводства населения было сохранение аграрного общества, где около 90% населения жили в сельской местности. Основным занятием абсолютного большинства жителей деревни было земледелие. Даже в западной части Орловской губернии и в северо-западных уездах Рязанской и Тульской губерний, где отходничество и промыслы занимали важное место в поддержании благосостояния крестьян, ведение сельского хозяйства с характерным для него аграрным циклом жизни имело большое значение. К началу XX в. хозяйственный уклад почти не претерпел изменений, и сельский социум продолжал жить в парадигме традиционного общества.

Начало демографического перехода совпало с изменениями в русской деревне в первые годы XX в. (аграрная миграция и рост числа переселений в города, зарождение разрушения крестьянской общины и т. д.). Начиная с 1906–1911 гг. произошло резкое сокращение числа заключаемых браков, а вместе с ним и количества новорожденных и умерших жителей губерний, при этом естественный прирост населения в это время, наоборот, только увеличивался. Вступление России в Первую мировую войну усилило тенденции снижению демографических показателей, в том числе и естественного прироста населения (вследствие более существенного падения рождаемости по отношению к смертности).

Таким образом, наметившийся отход от традиционной модели воспроизводства населения стал результатом модернизационных изменений в русской деревне в начале XX в.

Список литературы

1. *Жиромская, В. Б.* К вопросу о начале демографического перехода в России // Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам : сборник научных статей. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. С. 74–85. DOI [10.17059/udf-2024-1-8](https://doi.org/10.17059/udf-2024-1-8). EDN [BMTXMW](https://www.edn.ru/udf-2024-1-8).
2. *Менделеев, Д. И.* К познанию России. Москва : Айрис-пресс, 2002. 559 с. ISBN 5-8112-0018-8.
3. *Новосельский, С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград : типография Министерства внутренних дел, 1916. 208 с.
4. *Новосельский, С. А.* Вопросы демографической и санитарной статистики = Демографическая и санитарная статистика: (Избр. произведения) / Под ред. проф. А. М. Меркова. Москва : Медгиз, 1958. 216 с.
5. *Водарский, Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). Москва : Просвещение, 1973. 160 с. EDN [RVBMGR](https://www.edn.ru/rvbmgr).
6. *Рашин, А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913) : стат. очерки. Москва: Госстатиздат, 1956. 352 с.
7. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. 547 с. ISBN 5-86007-394-1.
8. *Миронов, Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2014–2015. ISBN 978-5-86007-725-6.

9. *Mironov, B. N.* Urban Fertility in Russia in 1859–1913: On Commencement of Demographic Transition // Population and Economics. 2022. Vol. 6, № 2. Pp. 1–13. DOI [10.3897/popcon.6.e83642](https://doi.org/10.3897/popcon.6.e83642). EDN [BHSMKE](https://www.edn.ru/BHSMKE).

10. *Захаров, С. В.* Демографический переход и воспроизводство поколений в России // Вопросы статистики. 2003. № 11. С. 3–12. EDN [UFSHQF](https://www.edn.ru/UFSHQF).

11. Демографическая модернизация России, 1900–2000 : монография / под ред. А. Г. Вишневого. Москва : Новое издательство, 2006. 601 с. ISBN 5-98379-042-0. EDN [SUQARX](https://www.edn.ru/SUQARX).

12. *Нефедов, С. А.* Концепция демографических циклов. Екатеринбург : Уральский государственный горный университет, 2007. 141 с. ISBN 5-8019-0133-7. EDN [PVEDUV](https://www.edn.ru/PVEDUV).

13. *Нефедов, С. А.* Сверхсмертность в России в конце XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2021. № 10-1. С. 75–83. DOI [10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi09](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi09). EDN [QHSRNU](https://www.edn.ru/QHSRNU).

14. *Корнилов, Г. Е.* Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80–89. EDN [SXLFHF](https://www.edn.ru/SXLFHF).

15. *Kornilov, G. E.* Russian Modernization in the 20th Century: Features, Pace, and Results // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92, № 53. Pp. 221–234. DOI [10.1134/S1019331622090088](https://doi.org/10.1134/S1019331622090088). EDN [FMJQXC](https://www.edn.ru/FMJQXC).

16. *Морозов, С. Д.* Центральная Россия в 1897–1917 гг.: проблемы демографического развития. Пенза : Изд-во ПГАСА, 2001. 225 с. ISBN 5-9282-0039-0.

17. *Федорук, Н. С.* Население Новгородской губернии в XIX – начале XX в.: численность, демографические процессы, социальная структура: монография. Великий Новгород : Новгородский государственный университет, 2016. 318 с. ISBN 978-5-89896-601-0.

18. *Канищев, В. В.* Демографический переход в российском аграрном обществе второй половины XIX – первой трети XX в. Современные методы исследования // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 210–223. EDN [ZBYBWB](https://www.edn.ru/ZBYBWB).

19. *Агафонова, А. Б.* Эпидемии холеры и безопасность городской среды в последней трети XIX – начале XX вв. в Российской Империи // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6(87). С. 76–86. DOI [10.26105/SSPU.2023.87.6.008](https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.87.6.008). EDN [QNINEX](https://www.edn.ru/QNINEX).

20. *Жиров, Н. А.* Динамика социально-экономического развития Елецкого уезда Орловской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. // История: факты и символы. 2023. № 3 (36). С. 105–114. DOI [10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115](https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115). EDN [OOULJN](https://www.edn.ru/OOULJN).

21. *Жиров, Н. А.* Особенности историко-географического положения Верхнеокского района в середине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 52–57. EDN [XSVKNV](https://www.edn.ru/XSVKNV).

22. *Жиров, Н. А.* Аграрная миграция крестьянства губерний Центральной России в конце XIX – начале XX вв. по документам Государственного архива Орловской области // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 440–449. DOI [10.28995/2073-0101-2021-2-440-449](https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-440-449). EDN [STPPAW](https://www.edn.ru/STPPAW).

Сведения об авторе

Жиров Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, Елец, Россия.

Контактная информация: e-mail: zhirov-nikolai@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8460-9865](https://orcid.org/0000-0001-8460-9865); РИНЦ SPIN-код: [5229-1557](https://www.rincc.ru/5229-1557); Web of Science Researcher ID: [E-2439-2018](https://www.researcherid.com/E-2439-2018); Scopus Author ID: [57193094479](https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57193094479).

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; принята в печать 18.05.2026.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE PROVINCES OF THE AGRARIAN CENTER OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Nikolay A. Zhirov

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

For citation: Zhirov, N. A Demographic Processes in the Provinces of the Agrarian Center of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *DEMIS. Demographic Research*. 2026. Vol. 6, No. 2. Pp. 49–62. DOI [10.19181/demis.2026.6.2.3](https://doi.org/10.19181/demis.2026.6.2.3). (In Russ.)

Abstract. This article examines the main demographic processes that occurred in the provinces of central Russia (Orel, Tula and Ryazan) during the pre-Revolutionary period, primarily located in the agrarian region of the country. The chronological framework of the study coincided with the onset of modernisation processes in 1861. These processes affected all aspects of the population in the region, up until World War I broke out. The main sources for studying the demographics of local populations were local statistics, reviews of the relevant provinces, statistical data from 1897 censuses, and statistical yearbooks and *vremenniki* from the Russian Empire. The object of the study is the population in the aforementioned provinces. The subject matter is demographic processes such as marriage, birth and death rates, as well as the natural increase in population. The study's hypothesis was that, until the early 20th century, the population had remained largely unaffected by it. The population of the province continued to maintain the traditional method of reproduction characteristic of agrarian societies. Since the overwhelming majority of the residents of the Orlov, Tula and Ryazan regions lived in rural areas, the demographic processes among the peasants determined the overall picture. This article uses quantitative methods to process statistical materials, as well as traditional approaches such as historicism and retrospective. The following conclusions were drawn during the study. Throughout almost the entire study period, an increase in the number of marriages, births and deaths was observed and a high rate of natural population increase was maintained. At the beginning of the 20th century, from 1906 to 1911, the opposite trend began to gain strength – a decline in all demographic indicators, except for natural population growth. This continued until 1914 when it began to rapidly decline. During the First World War, these trends intensified even more. The onset of the demographic transition coincided with changes in Russian villages at the start of the 20th century, including agrarian migration, the collapse of peasant communities, and increased migration to cities. The outbreak of war accelerated this process further.

Keywords: demographic processes, Central Russia, post-reform period, peasantry, demographic transition, statistical methods

References

1. Zhiromskaya, V. B. On the Beginning of the Demographic Transition in Russia. In: *Demograficheskiye faktory adaptatsii naseleniya k global'nyim sotsial'no-ekonomicheskim vyzovam [Demographic Factors of Population Adaptation to Global Socio-Economic Challenges]*: collection of scientific articles. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. Pp. 74–85. DOI [10.17059/udf-2024-1-8](https://doi.org/10.17059/udf-2024-1-8). (In Russ.).
2. Mendelev, D. I. *K poznaniyu Rossii [Towards the Understanding of Russia]*. Moscow: Iris-Press Publishing House, 2002. 559 p. ISBN 5-8112-0018-8. (In Russ.).
3. Novoselsky, S. A. *Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii [Mortality and Life Expectancy in Russia]*. Petrograd: Printing House of the Ministry of Internal Affairs, 1916. 208 p. (In Russ.).
4. Novoselsky, S. A. *Voprosy demograficheskoy i sanitarnoy statistiki = Demograficheskaya i sanitarnaya statistika [Issues of Demographic and Sanitary Statistics = Demographic and Sanitary Statistics]*: (Selected works) / Edited by prof. A. M. Merkov. Moscow: Medgiz, 1958. 216 p. (In Russ.).
5. Vodarsky, Ya. E. *Naseleniye Rossii za 400 let (XVI – nachalo XX v.) [Population of Russia for 400 Years (16th – Early 20th Centuries)]*. Moscow: Prosveshcheniye Publishing House, 1973. 160 p. (In Russ.).
6. Rashin, A. G. *Naseleniye Rossii za 100 let (1811–1913) [Population of Russia for 100 Years (1811–1913)]*: statistical essays. Moscow: Gosstatizdat Publishing House, 1956. 352 p. (In Russ.).

7. Mironov, B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.) [Social History of Russia during the Imperial Period (XVIII – Early XX Centuries)]*: in 2 volumes. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House, 2003. 547 p. ISBN 5-86007-394-1. (In Russ.).
8. Mironov, B. N. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from Tradition to Modernity]*: in 3 volumes. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House, 2014–2015, 2014–2015. ISBN 978-5-86007-725-6. (In Russ.).
9. Mironov, B. N. Urban Fertility in Russia in 1859–1913: On Commencement of Demographic Transition. *Population and Economics*. 2022. Vol. 6, No. 2. Pp. 1–13. DOI [10.3897/popecon.6.e83642](https://doi.org/10.3897/popecon.6.e83642).
10. Zakharov, S. V. Demograficheskiy perekhod i vosproizvodstvo pokoleniy v Rossii [Demographic Transition and Reproduction of Generations in Russia]. *Voprosy Statistiki*. 2003. No. 11. Pp. 3–12. (In Russ.).
11. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic Modernization of Russia, 1900–2000]*: monograph. Ed. by A. G. Vishnevsky. Moscow: New Publishing House, 2006. 601 p. ISBN 5-98379-042-0. (In Russ.).
12. Nefedov, S. A. *The Concept of Demographic Cycles*. Yekaterinburg: Ural State Mining University, 2007. 141 p. ISBN 5-8019-0133-7. (In Russ.).
13. Nefedov, S. A. Over-Mortality in Russia in the Late 19th – Early 20th Century. *Voprosy Istorii*. 2021. No. 10-1. Pp. 75–83. DOI [10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi09](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202110Statyi09). (In Russ.).
14. Kornilov, G. E. Evolution of Infant Mortality in the Ural during the First Half of the 20th Century. *Ural Historical Journal*. 2014. No. 3 (44). Pp. 80–89. (In Russ.).
15. Kornilov, G. E. Russian Modernization in the 20th Century: Features, Pace, and Results. *Herald of the Russian Academy of Science*. 2022. Vol. 92, No. 53. Pp. 221–234. DOI [10.1134/S1019331622090088](https://doi.org/10.1134/S1019331622090088).
16. Morozov, S. D. *Tsentrāl'naya Rossiya v 1897–1917 gg.: problemy demograficheskogo razvitiya [Central Russia in 1897–1917: Problems of Demographic Development]*. Penza: PGASU Publishing House, 2001. 225 p. ISBN 5-9282-0039-0. (In Russ.).
17. Fedoryuk, N. S. *Naseleniye Novgorodskoy gubernii v XIX – nachale XX v.: chislennost', demograficheskiye protsessy, sotsial'naya struktura [Population of the Novgorod Province in the 19th – Early 20th Centuries: Size, Demographic Processes, Social Structure]*: monograph. Veliky Novgorod: Novgorod State University, 2016. 318 p. ISBN 978-5-89896-601-0. (In Russ.).
18. Kanischev, V. V. Demographic Transition in the Russian Agrarian Society in Second Half XIX – First Third XX Century. Modern Research Methods. *The Agrarian History of Eastern Europe Yearbook*. 2016. No. 1. Pp. 210–223. (In Russ.).
19. Agafonova, A. B. Cholera Epidemics and the Safety of the Urban Environment in the Last Third of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries in the Russian Empire. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2023. No. 6(87). Pp. 76–86. DOI [10.26105/SSPU.2023.87.6.008](https://doi.org/10.26105/SSPU.2023.87.6.008). (In Russ.).
20. Zhiron, N. A. Dynamics of Socio-Economic Development of the Yelets District of the Oryol Province at the End of the XVIII – First Half of the XIX Centuries. *History: Facts and Symbols*. 2023. No. 3 (36). Pp. 105–114. DOI [10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115](https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-105-115). (In Russ.).
21. Zhiron, N. Specific Features of Historical and Geographical Position of Verhneokskiy Area in the Middle XIX Century (On Materials of the Oryol Province). *Humanities and Law Research*. 2018. No. 2. Pp. 52–57. (In Russ.).
22. Zhiron N. A. Agrarian Migration of Peasantry from Central Russia Gubernias in the Late 19th – Early 20th Century in Documents from the State Archive of the Oryol Region. *Herald of an Archivist*. 2021. No. 2. Pp. 440–449. DOI [10.28995/2073-0101-2021-2-440-449](https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-440-449). (In Russ.).

Bio note

Nikolay A. Zhiron, Candidate of Historical Sciences, Docent, Professor, Department of History and Historical-Cultural Heritage, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia.

Contact information: e-mail: zhiron-nikolai@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8460-9865](https://orcid.org/0000-0001-8460-9865); RSCI SPIN-code: [5229-1557](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57193094479); Web of Science Researcher ID: [E-2439-2018](https://orcid.org/E-2439-2018); Scopus Author ID: [57193094479](https://orcid.org/57193094479).

Received on 19.03.2026; accepted for publication on 18.05.2026.

The author has read and approved the final manuscript.